

КУЛЬТ ШЕКСПИРА КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

Вл. А. Луков

Институт гуманитарных исследований Московского гуманитарного университета, Москва

The Cult Of Shakespeare As A Scientific Problem

Vlad. A. Lukov

Institute of Humanitarian Studies, Moscow University for the Humanities, Moscow

Статья представляет собой введение в исследование культа Шекспира как теоретической проблемы филологии и культурологии. Понятие «культ Шекспира» интерпретируется как «филологический концепт», как термин для обозначения константы тезаурусов европейской культуры, отделяемый от терминов «шекспироведение» и «шекспировский вопрос», за которыми стоят две относительно самостоятельные области филологической науки, порожденные этим культом, но представляющие собой новый этап, когда от поклонения Шекспиру европейцы перешли к его глубокому научному изучению. Формулируется проблема связи с культом Шекспира таких понятий, как «шекспиризация» и «шекспиризм».

The article is an introduction to study on the cult of Shakespeare as a theoretical problem of philology and culturology. «The Cult of Shakespeare» is interpreted as a «philological concept», as a scientific term for the constant of the European cultural thesauruses. It is separated from the terms «shakespearology» and «Shakespearian question» that are connected with two independent fields of philological knowledge and caused by this cult. But these terms represent a new period when the Europeans turned from the admiration of Shakespeare to the profound study on his creative works and life. This article attempts to link «The Cult of Shakespeare» with the terms «shakesperization» and «shakespearism».

Словосочетание «культ Шекспира», с одной стороны, весьма обычно и на слух, и «на глаз», с другой — как всё, очевидно, что связано с именем великого английского драматурга и поэта, — загадочно. Второе слово в нем — ключевое для «шекспировского вопроса», так что уже намекает на тайну. Но и первое вовсе не просто.

Академический «Словарь русского языка» устанавливал два его значения: **«Куль**т, -а, м. 1. Религиозное служение божеству и связанные с этим религиозные обряды. *Куль*т Диониса в древней Греции. 2. перен.: кого-, чего-л. Поклонение кому-, чему-л., почитание кого-, чего-л. *Куль*т личности. *Куль*т разума. *Куль*т красоты» [1]. В «Словаре иностранных слов» находим те же определения: **«Куль**т [< лат. cultus уход, почитание] — 1) религиозное служение божеству и связанные с этим обряды; 2)* преклонение перед кем-л., чем-л., почитание» [2]. В «Кратком словаре современных понятий и терминов» этого слова нет (хотя, например, есть слово «культура» [3], так как к нему добавились новые значения), из чего вытекает, что слово «культ» понимается по-прежнему. И действительно, в новейшем «Современном толковом словаре русского языка» читаем: **«Куль**т, -а, м. [от лат. cultus — почитание, поклонение]. 1. Религиозное служение божеству и связанные с этим религиозные обряды. 2. Поклонение кому-, чему-л., почитание кого-, чего-л. *К. личности. К. разума.* < Куль-

товый, -ая, -ое. К. фильм (оказавший большое влияние, вызвавший подражание)» [4]. В английском языке, в отличие от русского, зафиксировано (в «Webster's Third International Dictionary») шесть основных значений слова cult, причем шестое — «а) великая или чрезмерная привязанность или поклонение какой-либо личности, идее, литературной или интеллектуальной прихоти или фетишу; б) объект этой привязанности; в) (1) группа людей, характеризующихся такой привязанностью; (2) обычно маленький или узкий круг людей, объединенных привязанностью или преданностью какой-либо художественной или интеллектуальной программе, тенденции или образу», а синонимом определяется слово religion — религия [5]. Во французском языке выделяется (в словаре П. Робера) — пять значений слова culte, встречающегося в текстах с 1570 г., из них четыре относятся к сфере религии, а пятое, переносное, трактуется как «восхищение, смешанное с почитанием, которое кто-либо испытывает к кому-либо или чему либо», дано несколько синонимов (adoration — восхищение, amour — любовь, attachement — привязанность, dévouement — преданность, vénération — почитание) [6]. Сравнение переносных значений слова в английском и французском языках проливает свет на некое умолчание в русских словарях. Для французов слово «культ» имеет явно положительную эмоциональную окраску. Для англичан, заимствовавших это слово у французов, наобо-

рот, скорее отрицательную. А в русских словарях оно не имеет никакой окраски. Не случайно рядом приводятся примеры на одно и то же значение — культ личности и культ разума. Но между тем всякий русский человек заметит, что «культ» в этих случаях относится к противоположным полюсам эмоциональной сферы. Однако есть и действительно нейтральные случаи. Очевидно, именно к ним относится словосочетание «культ Шекспира» для обычного человека.

Но оно приобретает окраску (причем, и положительную, и отрицательную) в определенной профессиональной среде — филологической, искусствоведческой, для тех, кто профессионально связан с искусством. Тем самым оно (воспринимаемое как одно понятие) из термина превращается в концепт. Однако это неточно: хотя многие литературоведы, и зарубежные, и отечественные, употребляют его в своих трудах [7], оно, в сущности, еще не приобрело терминологического значения. Его нужно отнести к «обыденному языку» филологов и искусствоведов, а не к системе терминов филологии и искусствоведения.

Если представление о культе Шекспира признать «филологическим концептом», неизбежно возникает потребность определиться с самим понятием «концепт». Здесь можно опереться на огромную исследовательскую работу, проведенную академиком Ю. С. Степановым и воплотившуюся в его выдающийся труд «Константы: Словарь русской культуры» [8]. Концепт, с точки зрения Ю. С. Степанова, — «это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее. (...) В отличие от понятий в собственном смысле термина (...), концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [8]. И далее — важное разъяснение: «В понятии, как оно изучается в логике и философии, различают объем — класс предметов, который подходит под данное понятие, и содержание — совокупность общих и существенных признаков понятия, соответствующих этому классу. В математической логике (особенно в ее наиболее распространенной версии принятой также и в настоящем Словаре, — в системе Г. Фреге — А. Черча) термином *концепт* называют лишь содержание понятия, таким образом термин *концепт* становится синонимичным термину *смысл*. В то время как термин *значение* становится синонимичным термину *объем* понятия. Говоря проще — *значение* слова это тот предмет или те предметы, к которым это слово правильно, в соответствии с нормами данного языка применимо, а *концепт* это *смысл* слова. В науке о культуре термин *концепт* употребляется, когда абстрагируются от культурного содержания, а говорят только о структуре, — в

общем, так же, как в математической логике. Так же понимается структура содержания слова и в современном языкознании» [8]. Существенным для Ю. С. Степанова является положение, вынесенное им в название одного из разделов статьи «Концепт»: «*Концепты могут «парить» над концептуализированными областями, выражаясь как в слове, так и в образе или материальном предмете*» [8]. Эта мысль оказывается принципиальной для формулирования общего определения культуры, предложенного ученым: «Культура — это совокупность концептов и отношений между ними, выражающихся в различных «рядах» (прежде всего в «эволюционных семиотических рядах», а также в «парадигмах», «стилях», «изоглоссах», «рангах», «константах» и т. д.); надо только помнить, что нет ни «чисто «духовных», ни «чисто материальных» рядов: храм связан с концептом «священного»; ремесла — с целыми рядами различных концептов; социальные институты общества, не будучи «духовными концептами» в узком смысле слова, образуют свои собственные ряды, и т. д., — «концептуализированные области», где соединяются, синонимизируются «слова» и «вещи» — одно из самых специфических проявлений этого свойства в духовной культуре» [8]. В общей системе терминов, характеризующих «концептуализированную сферу», определенное место занимают «константы»: «Константа в культуре — это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время. Кроме этого, термину «константа» может быть придано и другое значение — «некий постоянный принцип культуры». (...) Принцип создания алфавитов — «алфавитный принцип», проецирующийся далее в различных культурах на представления об устройстве мира, может быть отнесен как раз к константам-принципам (...). Но в настоящем Словаре мы рассматриваем константу в первом значении — как постоянно присутствующий концепт» [8].

Эти и другие положения, содержащиеся в работе академика Ю. С. Степанова, становятся основополагающими в выработке теоретического взгляда на «культ Шекспира». Это сочленение двух понятий (в сущности, «кентавров»: понятий-образов), каждое из которых является концептом (и даже константой) русской и мировой (по крайней мере, западной) культуры (и, следовательно, должно быть подвергнуто предложенной Ю. С. Степановым процедуре вскрытия исторических слоев по принципу, который мы, на основании ряда высказываний ученого, определили бы понятием «масштаб актуальности») и само, объединенное, выступает в относительно узкой среде ученых-гуманитариев и деятелей искусства как концепт уровня константы, может обрести и другой смысл. Речь идет о придании ему ранга термина. Слово «концепт» (если, опять-таки, исключить ученых) не скрывает в себе концепта, а терминологически обозначает некий общий аспект таких слов, как «любовь», «вера», «дом», «родина» и т. д., в которых сочетание звуков вызывает в сознании некие образы, неясно и по-разному пред-

ставляемые и при этом переживаемые эмоционально. Если сами концепты трудноопределимы, то термин «концепт» вполне можно подвергнуть системно-логическим операциям, что позволяет решительно продвигнуться в сторону преодоления порога неопределимости явления. То же должно быть отнесено и к понятию «культ Шекспира»: если сам этот исторический феномен достаточно аморфен, «многоформен», трудноуловим для характеристики, то термин «культ Шекспира», будучи встроенным в понятийный аппарат, может способствовать продвижению на пути понимания обозначаемого им явления.

Эти размышления полностью вписываются в тезаурусный подход к исследованию явлений мировой культуры, который в настоящее время интенсивно разрабатывается [9]. Тезаурус здесь рассматривается как характеристика образа культуры в субъективном освоении (где субъект — от человека до человечества). В тезаурусе главным становится «свое» (своя культура), а не главным — «чужое», процесс расширения тезауруса — это «освоение», то есть превращение «чужого» в «свое». Мы бы связали с этим подходом изложенную точку зрения академика Ю. С. Степанова. В самом деле, определение культуры как «совокупности концептов и отношений между ними» для культурологии неполно, зато для тезаурологии (своего рода субъективной культурологии, так как в этом случае исследователя интересует только то, как культурный процесс отражается в сознании субъекта) оно вполне приемлемо. Как бы под-

тверждая близость к тезаурусному подходу, Ю. С. Степанов включил в «Константы» обширную и глубокую статью «Свои» и «Чужие» [8].

Культ Шекспира при тезаурусном подходе рассматривается как термин для обозначения весьма значимой константы тезаурусов европейской культуры. Русская культура XIX века в этом случае, в соответствии с концепцией академика Ю. С. Степанова, рассматривается как «ответвление» европейской культуры [8, 11]. Культ Шекспира как обозначение константы культуры должен быть отделен от шекспироведения и «шекспировского вопроса» как терминов, за которыми стоят две относительно самостоятельные области филологической науки, безусловно, связанные с этим культом, но представляющие собой новый этап, когда от поклонения Шекспиру европейцы перешли к его глубокому научному изучению, хотя (особенно в ситуации «шекспировского вопроса») не потерявшему эмоционального накала, присущего восприятию концептов. «Слоям» рассматриваемой культурной константы необходимо дать не только историческую (от зарождения до расцвета и последующего преобразования), но и пространственную характеристику, что влечет за собой разведение терминов «шекспиризация» (применяется преимущественно к западноевропейской традиции [12]) и «шекспиризм» (применяется преимущественно к русской традиции [13]).

Таковыми представляются исходные посыпки исследования культа Шекспира.

Литература

1. Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1958. Т. 4. 106.
2. Словарь иностранных слов / 4-е изд., перераб. и доп. М., 1964. 348.
3. Краткий словарь современных понятий и терминов Н. Т. Бунимович, Г. Г. Жаркова, Т. М. Корнилова и др.; Сост., общ. ред. В. А. Макаренко; 3-е изд., дораб. и доп. М., 2000. 284.
4. Современный толковый словарь русского языка / Авт. проекта и гл. ред. С. А. Кузнецов. М., 2004. 306.
5. Webster's Third International Dictionary of English Language Unabridged. Köln: Könenmann, 1993. 552. (цит. без примеров).
6. Robert P. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française. Paris: Société du Nouveau Littérature, 1967. 393.
7. См., напр.: Davidhazi P. The Romantic Cult of Shakespeare: Literary Reception in Anthropological Perspective. St. Martin's Press, 1998.
8. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры 3-е изд., испр. и доп. М., 2004.
9. Луковы Вал. и Вл. Концепция курса «Мировая культура»: тезаурологический подход. Педагогическое образование. 1992. № 5. 8—14.
10. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. 93—100.
11. Луков Вл. А. «Шекспиризация» как принцип-процесс. XV Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры: Сб. статей и материалов М., 2003. 155—157.
12. Луков Вл. А. Шекспиризация. Компаративистика: Современная теория и практика: Международная конференция и XIV Съезд англистов (13—15 сентября 2004 г.): В 2 т. Т. 2. Самара, 2004. 388—403.
13. Захаров Н. В. Шекспир в творческой эволюции Пушкина. Jyväskylä (Finland), 2003.